

личан, американцев, немцев и французов говорят так: если ты дашь каждому из них одинаковое задание, и попросишь выполнить его за шесть часов, то американец выполнит его за четыре часа, а оставшиеся два потратит на праздную прогулку; француз тоже закончит работу за четыре часа, а остальное время будет пить, есть и танцевать; англичанин справится с заданием за пять часов, а оставшийся час посвятит работе над следующим; немец не сможет закончить задание за шесть часов, но будет работать над ним до утра. Эта история очень ярко характеризует национальные особенности этих четырех наций»⁴⁴ – подытожил Кумэ. Сам факт приведения данной истории на страницах «Обэй кайран дзикки» говорит о том, что подход к работе, свойственный англичанам, вызывал у японцев восхищение и стремление подражать.

Хотя в 1872 г. миссия Ивакура не сумела добиться от Англии соглашения на пересмотр неравноправных торговых договоров, ее нельзя рассматривать как неудачную. Основную свою цель она выполнила: образ Великобритании, сформировавшейся у японских государственных деятелей, принявших участие в миссии, помог им составить более ясные представления о том, к чему и какими путями должна стремиться Япония. Другими словами, благодаря этой поездке формула успеха западных стран стала для них более ясной и понятной.

Впереди были еще Франция, Германия, Россия и другие европейские государства. Ивакура, Окубо, Кидо, Ито и остальные вплоть до середины 1873 г. продолжали осматривать, сравнивать и собирать информацию об этих представителях западной цивилизации, чтобы впоследствии применить накопленные знания при проведении модернизации собственного государства. Модернизации, результаты которой уже через двадцать лет позволили Японии заявить о себе как о стране, ни в политическом, ни в военном развитии не уступающей развитому Западу. А еще через десять лет стать равноправным международным партнером «Великой Британии», подписав с ней в 1902 г. первый союзнический договор.

Япония и парижский финансовый рынок после русско-японской войны (сентябрь 1905 – март 1907 г.)

Э. А. Барышев

Победа в русско-японской войне далась Японии нелегко. Она была достигнута мобилизацией всех национальных ресурсов при активной политической, экономической, финансовой и информационной поддержке Запада. Во время русско-японской войны японское правительство через своего особого финансового представителя вице-президента Банка Японии Такахаси Корэкиё (1854–1936) четырежды размещало за рубежом крупные займы на общую сумму около 800 млн иен (82 млн ф. ст.). Банковский синдикат каждый раз создавался в Лондоне вокруг близких к японским экономическим кругам Гонконг-Шанхайского банка и Парр-банка (Parr's Bank) при участии брокерской конторы «Панмюр, Гордон энд Ко.» (Panmure, Gordon & Co, далее ПГК). Вышеуказанные акционерные банки, не располагавшие достаточным капиталом, сумели привлечь к данному делу при посредничестве «банкира короля Англии» Эрнеста Касселя (Ernest Cassel, 1852–1921) и лорда Ревельстока (John Baring, Lord Revelstoke, 1863–1929) нью-йоркский банковский дом «Кун, Лёб энд Ко.» Якоба Шиффа (Jacob Schiff, 1847–1920), взявшего на себя размещение половины всех японских военных займов. Благодаря американскому финансисту участие в указанных финансовых операциях приняли также гамбургский банк родственного Шиффу Макса Варбурга (Max Moritz Warburg, 1867–1946) и Немецко-Азиатский банк¹.

Русско-японская война оказала огромное влияние на всю систему международных взаимосвязей, в результате чего отношения Японии с мировыми финансовыми центрами должны были претерпеть немалые изменения. С одной стороны, крупнейший в мире парижский финансовый рынок таил в себе огромные возможности, и Япония желала во что бы то ни стало открыть его для себя. С другой стороны, излишняя ориентация на Лондон и особенно на Нью-Йорк грозила Японии потерей части своей внешнеполитической самостоятельности и значительно суживала возможность маневра страны на международной арене. По-

⁴⁴ Там же, с. 54–56.

¹ См. об этом: *Smethurst R. J.* From Foot Soldier to Finance Minister: Takahashi Korekiyo, Japan's Keynes, Cambridge – London, 2007, p. 141–181; Такахаси Корэкиё дзидэн (Автобиография Такахаси Корэкиё). Токио: , 1936, с. 657–740; *Adler C., Jacob Schiff: His Life and Letters*, New York, 1929, Vol. I, p. 212–230; *Байсуэй С. Дж.* Нихон кэйдзай то гайкоку сихон, 1858–1939 (Японская экономика и иностранный капитал, 1858–1939), Токио, 2005, с. 111–114.

сле выдвижения – еще во время русско-японской войны – со стороны американских капиталистов ощутимых экономических требований на их участие в освоении маньчжурского рынка необходимость поиска новых финансовых партнеров для Японии стала еще более насущной². К счастью для Японии, в Европе имелись финансовые круги, такие, например, как всемогущие и вездесущие Ротшильды, которые были не прочь вложить свои свободные капиталы в экономику страны-победительницы и тем самым попытаться восстановить статус-кво на мировой финансовой арене. Японское правительство, столкнувшееся с необходимостью реструктуризации прежних военных займов, сумело воспользоваться данной ситуацией для проникновения на финансовый рынок Франции.

В данной статье автор пытается рассмотреть процесс освоения Японией парижского рынка после русско-японской войны, установить влияние этого процесса на общую расстановку сил на международной арене, обращая первостепенное внимание на политико-экономические контакты императорской Японии в Европе и состояние русско-японских отношений в начале XX в.

* * *

Попытки использовать в своих интересах парижский финансовый рынок стали предприниматься японской дипломатией еще с конца 1904 г., однако в условиях русско-французского союза парижские банкиры во главе с домом Ротшильдов (“Rothschild et Frères”) не могли открыто поддержать японское правительство во время войны. В этих условиях японский посланник во Франции Мотоно Итиро (1862–1918) уже в январе 1905 г. предложил японскому правительству начать подготовку к тому, чтобы получить выход на парижский рынок после восстановления мира на Дальнем Востоке, и посоветовал направить в Париж особого представителя финансового ведомства с целью установления прочных контактов с местными политическими и экономическими кругами.

Вскоре в обстановке усилившегося революционного движения и новых военных поражений России стало ясно, что парижские банковские круги больше не желают оказывать финансовую поддержку России, что выразилось в их отказе предоставить ее правительству новый крупный заем в размере 1,5 млрд франков (около 562,5 млн. рублей) в

середине марта 1905 г. Примечательно, что сразу же после срыва российско-французских переговоров об открытии нового кредита представители парижских финансовых кругов изъявили свое желание участвовать в выпуске послевоенного японского займа³.

27 марта 1905 г. глава брокерской конторы ПГК В. М. Кох (W. M. Koch) сообщил Такахаси, что с ним желает встретиться находящийся в Лондоне синдик парижских биржевых маклеров М.-Л.-А. Вернейль (Maurice Louis Alfred Millon d’Ailly de Verneuil, 1858–1941), имеющий соответствующее указание от премьер-министра и министра финансов Франции Мориса Рувье (Maurice Rouvier, 1842–1911). При этом Кох подчеркнул, что первое лицо парижской биржи принципиально не возражает против помещения обязательств японского правительства в официальный бюллетень биржи и всецело поддерживает идею предоставления крупного кредита Японии сразу после окончания войны.

Встреча Такахаси и Вернейля состоялась в обстановке строгой секретности в конторе маклера Коха на следующий день. Во время беседы парижский «гость» прежде всего отметил, что французы, вложившие в российские ценные бумаги около 7 млрд иен, сильно озабочены исходом русско-японского военного конфликта и желают его скорейшего завершения. Тем не менее, – добавил Вернейль, – если Япония будет настаивать на получении от России контрибуции, нет никакой перспективы восстановления мира. В этих условиях, – продолжал синдик, – по мысли премьер-министра Рувье, Франция могла бы, как бы восполняя потери Японии от утраченной контрибуции, открыть свой финансовый рынок для Японии и предоставить ей сразу же после окончания военных действий кредит на общую сумму в 500–700 млн иен, что принесло бы Японии гораздо большие долгосрочные выгоды. 7 апреля Такахаси узнал от вернувшегося в Париж Вернейля, что последний получил соответствующее одобрение данного проекта со стороны Рувье, и что сумма в 500 млн. иен (именно кредит такого объема предполагалось выделить до этого России!), нужная японскому правительству для покрытия своих нужд, признается во Франции небольшой⁴.

Таким образом, уже к началу апреля 1905 г. японское правительство в лице своего агента Такахаси установило непосредственный контакт с представителями парижских финансовых и политических кругов и заручилось их поддержкой. Вышеуказанный канал связи стал возможен благодаря тесным отношениям, установившимся между парижскими и

² См.: Иноуэ Киёси. Нихон тэйкокусюги но кэйсэй (Формирование японского империализма). Токио, 1970, с. 298–299; Цуруми Юсуке. Сэйдэн: Гото Симпэй, кэттэй-бан (Полная биография Гото Симпэй: завершённое издание). Т. 4. Мантэцу дзидай, 1906–1908 (На службе в ЮМЖД, 1906–1908). Токио, 2005, с. 181–192; Schiff J. H. Our Journey to Japan, New York, 1907; Нитиро сэно ни тоси сита отоко: Юдаязин гинкока но никки (Человек, инвестировавший в русско-японскую войну: Записки еврейского банкира). Пер. Табата Норисигэ. Токио, 2005, с. 192, 196–198; Adler C. Op. cit., Vol. I, p. 246–259.

³ Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы, далее – НГБ). Т. 38, кн. 2, Токио, 1959, с. 46–48 (данная серия документов находится в открытом доступе на интернет-страницах МИД Японии – (<http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/shiryo/archives/mokuji.html>); Ананьич Б. В. Россия и международный капитал, 1897–1914: Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970, с. 135–137; Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903 – 1919 гг. Т. 1. М., 1992, с. 69–71.

⁴ НГБ. Т. 38. Кн. 2, с. 71–75, 88–90; Такахаси Корэкиё дзидэн. с. 758–763.

лондонскими банкирами. Дело в том, что глава ПГК Кох приходился своим влиятельному парижскому финансисту, директору Французского банка для торговли и промышленности (*Banque française pour le commerce et l'industrie*), барону Жаку (Якову) де Гинцбургу (*Jacques de Gunzburg, or Günzburg, 1853–1929*). Гинцбург же, в свою очередь, был близок к тогдашнему министру финансов Франции Рувье, стоявшему у истоков создания вышеуказанного банка, называемом нередко «банком Рувье». Примечательно, что Жак Гинцбург – официальный маклер парижской биржи – имел русское происхождение и даже являлся участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Получением своего баронского титула в первой половине 1870-х гг. влиятельнейшее в России еврейское семейство Гинцбургов было объявлено императору Александру II. Основанный в 1859 г. в Петербурге банкирский дом «И. Е. Гинцбург» после смерти его основателя Евзеля (Иосифа) (1812–1878) и его старшего сына Зискинда (Александра) (1831–1878) перешел в руки Горация (1833–1909), а парижское отделение дома возглавил Соломон (1848–1905). Со смертью последнего во главе парижской ветви семейства встал сын Зискинда Жак, ставший к тому времени важным связующим звеном между французскими и российскими финансово-экономическими кругами. Его ближайшим помощником являлся сын Соломона Жан (*Jean-Maurice de Gunzburg, 1884–?*). Предположительно, через своих петербургских родственников парижские Гинцбурги имели непосредственное отношение к «Ленскому золотопромышленному товариществу» и другим предприятиям банкирского дома «И. Е. Гинцбург». Впрочем, все вышеуказанное не мешало им тайно через того же Коха «из жадности к наживе» участвовать в подписке на японские военные займы в самый разгар русско-японской войны⁵.

В середине июля, когда делегации России и Японии направлялись в Портсмут, Вернейль через Коха дополнительно информировал Такахаси о том, что ждет его приезда в Париж сразу после заключения мирного договора с тем, чтобы обсудить вопрос предоставления Японии круп-

ного кредита. Министерство финансов Японии признало этот момент удобным, чтобы установить прочный контакт с парижскими банковскими кругами, как с точки зрения вопроса реструктуризации своих прежних займов, так и с позиции долгосрочной стратегии установления более тесных торгово-экономических отношений с Францией⁶. Так подготавливались условия для частичного переключения парижских финансов с российского на японский рынок.

5 сентября 1905 г. в американском Портсмуте был заключен мирный договор между Россией и Японией, согласно которому Япония приобрела права на Ляодунский полуостров, южную ветку Китайской Восточной железной дороги, южную половину Сахалина, однако ее надежды на получение контрибуции не оправдались. Финансы Японии изрядно поистощились (хотя на счетах японского правительства оставалось еще около 518 млн. иен), поэтому находившийся в Лондоне Такахаси немедленно получил указания организовать новый долгосрочный заем для реструктуризации прежних военных займов Японии. Речь шла о погашении заграничных 6 %-ных займов 1904 г. на сумму 22 млн. ф. ст. и внутренних 6 % займов на сумму 200 млн. иен, что требовало не менее 400 млн. иен в иностранной валюте. Такахаси попробовал прозондировать мнение лондонских и нью-йоркских правительств на этот счет, однако лорд Ревельсток, Кассель и Шифф рекомендовали отложить размещение займа до весны следующего года.

Несмотря на это, нужда в денежных средствах была столь велика, что 9 сентября президент Банка Японии Мацуо Сигэёси (1843–1916) вновь подтвердил, что японское правительство не может ждать наступления весны и вынуждено осуществить переучет внутренних займов в размере 200 млн. иен, для чего нужно соответствующее количество иностранной валюты. В случае необходимости Мацуо порекомендовал обратиться к помощи парижского финансового рынка, указав на то, что еще в начале марта 1905 г. французская банковская контора Зауэрбах-Тальман (*“Sauerbach, Talmann & Cie”*) предложила свои услуги в деле размещения японского займа во Франции⁷.

В условиях, когда размещение займа целиком на лондонском и нью-йоркском рынках представлялось невозможным, в качестве чрезвычайной меры было решено начать переговоры с французскими банкирами. Необходимость в этом стала еще более насущной после распространения слухов о том, что Россия готовится разместить крупный послевоенный заем в Париже. По мнению только что вернувшегося из Санкт-Петербурга Коха, успех японской финансовой операции целиком

⁵ Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 760; № 37. Хонпо канкэй гайкокудзин кинъю-гёся-тё (Исследование относительно иностранных финансистов) (далее – ХКГК) // Нихон гайко сирёкан (Архив внешней политики Японии – далее АВПЯ). № 3.3.7-37. Кайгай ни окэру гайкокудзин ни ситэ хонпо сёхин тёку-носуюню мата ва накагай дзюгёсё тёса икэн (Исследование, касающееся живущих за границей иностранцев, занимающихся прямым ввозом-вывозом японских товаров либо посреднической торговлей). Т. 3. (Этот и ряд других японских архивных источников находятся в открытом доступе на интернет-страницах токийского Центра документации азиатской истории (Адзиа рёкиси сирё сэнга) – <http://www.jacar.go.jp>); *Игнатъев А. А.* 50 лет в строю. М., 1986, с. 285–287; *Бовыкин В. И.* Французские банки в России. Конец XIX – начало XX в. М., 1999, с. 200. О деятельности клана Гинцбургов в России см. также: *Барышников М. Н.* Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб, 1998, с. 120–122; *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России, 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. глава III.

⁶ НГБ. Т. 38, кн. 2, с. 71–75, 88–90; *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал, с. 135–137.

⁷ Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 763–772; *Smethurst R. J.*, Op. cit., p. 182–184; НГБ. Т. 38, кн. 2, с. 72–75.

зависел от того, сможет ли Россия получить новый кредит во Франции или нет. При посредстве сотрудника ПГК Артура Левиты (Arthur Francis Levita, 1865–1911), сына влиятельного лондонского финансиста, Такахаси удалось установить надежный контакт с лондонским домом Ротшильдов (N. M. Rothschild & Sons). Такахаси предполагал вовлечь в данную операцию парижский клан указанного семейства, и вскоре получил одобрительный ответ барона Натана Мейера Ротшильда (Nathan Mayer Rothschild, 1840–1915), согласившегося отправить в Париж соответствующее письмо. 15 сентября Такахаси выехал во Францию с целью непосредственного зондажа позиции тамошних финансовых и политических кругов по отношению к предполагаемой кредитной операции⁸.

Утром 16 сентября Такахаси встретился в Париже с Вернейлем, Гинцбургом и Кохом (прибывшим в Париж на день раньше Такахаси с письмом для Ротшильдов), предложив французским капиталистам поучаствовать вместе с английскими, американскими и германскими банкирами в организации нового японского 4 %-ного займа на сумму 50 млн. ф. ст. Во время этой и последующих встреч Такахаси с представителями французского финансового и политического мира Кох неизменно выполнял роль надежного проводника и переводчика представителя японского правительства. Вернейль высказал принципиальное согласие поддержать данный проект в Париже, указав при этом, что для размещения займа удобными будут октябрь и ноябрь 1905 г. При этом синдик отметил, что для успеха финансовой операции необходимо будет провести соответствующую кампанию во французской прессе, расходы на оплату которой должно взять на себя японское правительство. В то же время французская сторона ясно дала понять, что заем может быть предоставлен Японии лишь после предоставления кредита России, формальной союзницы Франции. 18 сентября Такахаси провел переговоры с представителями банка «Ротшильд Фрер», которые после обсуждения данного вопроса с членами лондонского семейства также выразили свое согласие на участие в банковском синдикате при условии, что в него войдет и лондонский дом Ротшильдов. 19 сентября Такахаси в сопровождении Вернейля, Гинцбурга и Коха встретился с министром финансов Рувье, который также высказал свое принципиальное одобрение по отношению к японскому займу⁹.

Таким образом, успех предстоящего японского международного займа формально зависел от исхода российско-французских финансовых переговоров, которые безуспешно велись с начала 1905 г. Тем не

менее при вышеуказанных обстоятельствах неудача данных переговоров была уже предрешена, и французским банкирам нужно было лишь время, чтобы найти повод для их разрыва. Западноевропейская финансовая буржуазия, настроенная преимущественно прояпонски, сначала постаралась усадить Россию за стол мирных переговоров, обусловив предоставление новых займов окончанием войны, а затем дополнительно потребовала осуществления либеральных преобразований внутри страны. В смысле внутривластной ситуации, Россия «дозрела» до переговоров о новом займе в Европе лишь после обнародования «Высочайшего Манифеста об усовершенствовании государственного порядка» от 17 (30) октября 1905 г., поэтому переговоры представителей европейских банков, прибывших в Петербург 20 октября, с российским финансовым ведомством проходили в обстановке крайней общественно-политической напряженности и закончились разрывом¹⁰.

4 ноября, сразу же после возвращения парижских банкиров из Петербурга во Францию, исполняющий обязанности министра иностранных дел Кацура Таро (1848–1913) сообщал Мотоно, что японское правительство желает воспользоваться разрывом франко-российских финансовых переговоров, чтобы организовать свой заем на этом рынке, и Такахаси занят сейчас улаживанием этого вопроса. После достижения предварительного соглашения Мотоно предписывалось официально выступить в поддержку организации данного займа перед дипломатическим ведомством Франции.

7 числа, после встречи с бароном Гинцбургом и премьер-министром Рувье, Мотоно передал в Лондон для Такахаси, что французское правительство даст окончательный ответ в самые ближайшие дни по обсуждению данного вопроса с вернувшимися из Петербурга банкирами и русским послом в Париже. 13 ноября Мотоно встретился с исполняющим обязанности министра иностранных дел Рувье, который сообщил, что правительства Франции и России не возражают против размещения японского займа в Париже ранее российского. На следующий день японское правительство официально наделило Такахаси полномочиями на ведение переговоров о новом займе на сумму в 50 млн. ф. ст.¹¹.

К этому времени многие вопросы, касающиеся образования нового банковского синдиката для предоставления займа Японии, были благополучно разрешены. Французская сторона не высказывала особого желания к совместному участию в займе с германскими банкирами, однако экономические выгоды заставили их пересмотреть свой взгляд на это. При этом парижский дом Ротшильдов взял на себя обязанность обработки общественного мнения Франции к предстоящему японскому

⁸ Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 772–774; 778–779; ХКГК // АВПЯ. № 3.3.7-37. Т. 3; Smethurst R. J., Op. cit., pp. 184–186.

⁹ Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 774–777, 779–780; Smethurst R. J., Op. cit., p. 185–186; НГБ. Т. 38, кн. 2, с. 94.

¹⁰ НГБ. Т. 38. Кн. 2, с. 46–48, 71–75; *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал, с. 128–133, 145–152; *Коковцов В. Н.* Указ. соч. Т. I, с. 84–99; Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 782–785.

¹¹ НГБ. Т. 38, кн. 2, с. 94–95; Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 785–786.

займу, что помогло сэкономить японскому правительству немалые денежные средства¹².

15 ноября Такахаси вновь отправился вместе с Кохом в Париж для ведения – на этот раз официальных – переговоров о займе во Франции. Прямо с вокзала «искатели больших денег» поехали в особняк Ротшильдов на улице Лаффит, чтобы обсудить детали финансовой сделки. При этом во время переговоров неожиданно обнаружилось, что Ротшильды не желают давать деньги на переучет 4 %-ных японских займов 1904 г. На следующий день Такахаси в компании Вернейля, Гинцбурга и Коха вновь посетил резиденцию премьер-министра Рувье, где было принято решение о дате выпуска японского займа. 18 числа, после утряски всех деталей предстоящего контракта с Ротшильдами, Такахаси выехал обратно в Лондон, где немедленно встретился с представителями лондонского банковского синдиката, сообщил о результатах поездки и попросил ускорить переговоры с американскими и германскими банкирами. 19 ноября было достигнуто соглашение с прибывшим в Лондон Варбургом и получен благожелательный ответ Шиффа¹³.

В результате вышеуказанных усилий Такахаси и его зарубежных помощников, 28 ноября 1905 г. в Лондоне и Париже были выпущены 4 %-ные облигации нового японского займа стоимостью в 25 млн ф. ст., покрывавшего расходы по погашению внутреннего займа на сумму 200 млн. иен. Заем выпускался по цене 90 за 100, без банковской комиссии, на срок 25 лет с погашением к 1 января 1931 г. Облигации выпускались номинальной стоимостью в 10, 20, 100 и 200 ф. ст. Подписчиками выступили парижские, лондонские, нью-йорские и гамбургские банкиры: 12 млн. ф. ст. были предоставлены через парижских Ротшильдов; прежний лондонский консорциум, английские Ротшильды и возглавляемая Шиффом «Кун, Лёб энд Ко.» выделили по 3,25 млн, а банк Варбургов и Немецко-Азиатский банк – по 1,625 млн. ф. ст. Переговоры о размещении второй половины займа было решено продолжить в дальнейшем при наступлении более благоприятной экономической конъюнктуры¹⁴.

Уже 28 ноября лорд Ротшильд отправил на имя министра финансов Сонэ Арасукэ (1849–1910) поздравительную телеграмму, в которой отмечал небывалый успех настоящей финансовой операции и превозносил талант Такахаси. В декабре по рекомендации Мотоно японское правительство за размещение данного займа во Франции решило наградить Рувье орденом Восходящего солнца первой степени. Затем, в марте 1906 г., японское правительство наградило Коха и Гинцбурга ор-

денами Восходящего Солнца третьей степени, Левиту – тем же орденом четвертой степени.; директору-распорядителю парижского банка «Ротшильд Фрер» Эдмону (Edmond James de Rothschild, 1845–1934, младший брат Майера Альфонса, возглавлявшего дом до 1905 г.), известному покровителю сионистского движения, был пожалован орден Восходящего Солнца первой степени, а главе парижской биржи Вернейлю – орден Сокровища второй степени. Не был забыт и лондонский лорд Ротшильд, которому был отправлен портрет императора Мэйдзи с личной подписью микадо¹⁵.

Это были те лица, благодаря которым Японии удалось открыть для себя парижский финансовый рынок. Примечательно, что почти все они проявили себя к этому времени на российском направлении и располагали влиятельными связями и интересами в Петербурге. Рувье и Вернейль являлись даже обладателями высших российских наград, полученных за участие в организации российских займов в Париже¹⁶.

Таким образом, финансовые отношения между Японией и Францией после окончания русско-японской войны заметно окрепли, однако нужно иметь в виду, что тон в них по-прежнему задавали лондонские посредники во главе с ПГК, которая не только замкнула на себе все правительственные займы Японии, но и стала в октябре 1905 г. официальным представителем Промышленного банка Японии (Ниппон когё гинко, ныне «Мидзухо Корпорэйт Банк»), войдя в число акционеров последнего. Примечательно, что представителем Промышленного банка Японии во Франции стал вездесущий Жак Гинцбург, а в Германии – банк Макса Варбурга, что прекрасно очерчивало финансовые связи ПГК на континенте. Остается добавить, что в лице семейства Гинцбургов вышеуказанная брокерская контора имела влиятельных партнеров и в Санкт-Петербурге. Разумеется, что широкие банковские круги Европы во главе с домом Ротшильдов и в особенности парижские финансисты были недовольны таким положением дел, и это ставило на повестку дня вопрос о создании других каналов европейско-японского экономического общения. Открытие французского рынка должно было вызвать некоторые изменения в общей конфигурации международных связей Японии с великими державами¹⁷.

* * *

22 августа 1906 г. японское финансовое ведомство приняло решение возобновить переговоры о размещении второй половины займа с целью переучета дорогих 6 %-ных кредитов, полученных в самом начале

¹² Такахаси Корэкиё-дзидэн, с. 777–778, 781–783; *Smethurst R. J.*, Op. cit., pp. 186–187.

¹³ Такахаси Корэкиё-дзидэн, с. 786–788.

¹⁴ Такахаси Корэкиё-дзидэн, с. 788–793; *Smethurst R. J.*, Op. cit., pp. 186–187; НГБ. Т. 38, кн. 2, с. 96–100; *Байсуэй С. Дж.* Указ. соч., с. 106, 114.

¹⁵ *Smethurst R. J.*, Op. cit., p. 187; ХКГК // АВПЯ. № 3.3.7-37. Т. 3.

¹⁶ *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал, с. 174–175.

¹⁷ Нихон когё гинко дзюэн-си (История Промышленного банка Японии за 10 лет). Токио, 1912. с. 95–96; Такахаси Корэкиё-дзидэн, с. 752–757.

войны. Такахаси давались полномочия на заключение нового займа в Европе и США по образцу ноябрьского 4 %-ного займа 1905 г. В начале сентября 1906 г. Такахаси отправился в Америку, а в конце октября – начале ноября прибыл в Англию. К этому времени между Такахаси и представителями дома Ротшильдов в Лондоне была достигнута принципиальная договоренность о том, что известный банковский дом с участием парижской ветви семейства учтет обязательства японской казны весной 1907 г., однако пока условия финансового рынка в целом были неблагоприятными, и Такахаси лишь оставалось ждать наступления подходящего момента. Как раз в это время французская сторона выступила с инициативой углубить диалог между Парижем и Токио¹⁸.

Уже с весны 1906 г. видные представители французской элиты, такие как бывший генерал-губернатор Индокитая и бывший морской министр Жан де Ланессан (Jean Marie Antoine de Lanessan, 1843–1919) и бывший министр финансов Жозеф Кайо (1863–1944), стали заявлять, что экономические отношения Франции с Россией должны претерпеть немалые изменения, поэтому Франция не прочь направить свои избыточные капиталы в Японию; вопрос лишь в том, какие компенсации Париж может получить от Японии. Париж предлагал Токио заключение политического соглашения, в котором будут прописаны гарантии безопасности французского Индокитая, в обмен на которые Франция пойдет на открытие своего финансового рынка для Японии. Впрочем, до поры до времени представители японского правительства предпочитали пропускать данные намеки, исходящие от «французской общественности», мимо ушей. Благоприятные условия для обсуждения различных вопросов двусторонних отношений появились в конце октября 1906 г., после образования нового кабинета министров Жоржа Клемансо (Georges Benjāmin Clemenceau, 1841–1929). Новый министр финансов Кайо при первом же разговоре с японским посланником во Франции Курино Синьитиро (1851–1937) недвусмысленно дал понять, что предоставление нового займа во Франции возможно лишь в случае подписания нового политического соглашения по Индокитаю¹⁹.

В сложившихся условиях после проведения предварительных переговоров в британской столице в середине ноября Такахаси, прислушавшись к совету японского посла во Франции, направился в Париж. 13 ноября Такахаси нанес визит министру иностранных дел Стефану Пишону (Stéphēn Pichon, 1857–1933). Во время беседы с министром Такахаси подробно объяснил испытываемые финансовые затруднения Японии и высказал надежду, что французское правительство не будет

против участия парижских банкиров (в лице Ротшильдов) в предстоящем займе, который состоится в январе–феврале следующего года. Пишон пообещал обсудить данный вопрос, касающийся, по его словам, более общих восточных проблем, с премьер-министром Клемансо и министром финансов Кайо на следующий же день.

16 ноября министр финансов передал Такахаси ответ французского правительства, заявив, что последнее не возражает против открытия для Японии крупного кредита в Париже. При этом министр добавил, что, если предложенные домом «Ротшильд Фрер» условия не устроят японскую сторону, к данной финансовой операции можно привлечь другие банки Парижа. Такахаси усмотрел за этими словами желание Кайо привлечь к займу близкий к правительству Индо-Китайский банк (Banque de l'Indo-Chine), являвшийся главным колониальным банком Франции и определявшим стратегический курс страны в Восточной Азии. Кроме того, в качестве «компенсации» Кайо попросил японское правительство поддерживать английских и французских капиталистов в продвижении железнодорожного проекта в Южном Китае²⁰.

Французское правительство немедленно сообщило своим дипломатическим представителям в Лондоне и Петербурге о зондаже со стороны Японии. При этом содержание депеши Пишона от 16 ноября на имя французского посла в Лондоне свидетельствует о том, что в парижских финансовых кругах вызревали планы использовать новый японский заем для погашения русских 5,5 %-ных правительственных бумаг на сумму 250 млн. франков. Иными словами, русские ценные бумаги во Франции должны были служить покрытием нового японского займа²¹.

Реакция российского правительства, неудовлетворенного ходом русско-японских переговоров относительно торгового договора и рыболовной конвенции, не заставила себя долго ждать. В последние дни ноября, едва узнав о желании японского правительства разместить крупный заем в Париже, Извольский на правах представителя правительства союзного государства потребовал объяснений со стороны французского правительства. «Я нахожусь в более тяжелом положении, нежели наши полномочные представители в Портсмуте... Если в нынешних обстоятельствах Япония получит денежные средства – единственное, что ей не хватает для того, чтобы начать новую военную кампанию – во Франции, это сильнейшим образом ободрит ее в проведении своей военной поли-

20 Доклад № 7 Такахаси Корэкиё от 20 ноября 1906 г. Мидзумати-кэ бунсё (Документы рода Мидзумати). № 5. Б. с. // Кокурицу кобунсёкан (Государственный архив Японии). Дзай-мусё. 2003 г. Цукуба-сёко 5.5-59.5 (Этот документ также находится в открытом доступе на интернет-страницах токийского Центра документации азиатской истории); АВПЯ. Нитифуцу кёяку тэйкэцу иккэн. № 2.1.1.18, с. 9–10; Documents Diplomatiques Français (1871–1914) (далее – DDF). 2e série (1901–1914). Tome X (10 Avril 1906 – 16 Mai 1907). Paris: Imprimerie Nationale, 1948, p. 435–437.

21 DDF. 2e série. T. X., p. 435–437.

¹⁸ Smethurst R. J. Op. cit., p. 196–197; НГБ. Т. 39, кн. 1. Токио, 1959, с. 387–393; ХКГК // АВПЯ. № 3.3.7-37. Т. 3.

¹⁹ АВПЯ. № 2.1.1.18. Нитифуцу кёяку тэйкэцу иккэн: Гокухи (Дело о заключении японо-французского соглашения: Строго секретно). Мацумото кироку (Фонд Мацумото), с. 2–8.

тики и в своем непримиримом отношении к России». Бомпар ответил на это, что, по мнению министра иностранных дел Франции, данная ситуация предоставляет удобный случай для того, чтобы получить от токийского кабинета удовлетворительные гарантии в отношении России, и что Франция ищет возможности помочь российскому правительству в его трудных переговорах с правительством микадо²².

10 декабря во время новой встречи с Бомпаром Извольский повторно напомнил послу, что Пишон обещал использовать желание японского правительства открыть парижский финансовый рынок с тем, чтобы добиться от японского правительства доказательства его доброй воли, и выразил надежду, что правительство Франции именно так и поступит. На следующий день Пишон ответил Бомпару, что французское правительство намерено помочь японскому с размещением кредита в Париже только после того, как российскому правительству будут даны необходимые гарантии, и просил посла выяснить, чем Франция может быть полезна России в отношении разрешения вопросов русско-японского урегулирования на основе Портсмутского мирного договора²³. Таким образом, правительство Франции решило воспользоваться предоставившейся возможностью, чтобы стать посредником при разрешении стоявших между Россией и Японией проблем и укрепить отношения как с той, так и с другой стороной.

Политические препятствия на пути к размещению нового японского займа во Франции дали о себе знать в начале января 1907 г., когда Такахаши после совместного с Гинцбургом рождественского «турне» по Германии вновь прибыл в Париж, чтобы сверить часы с тамошними банковскими и политическими кругами. 7 января во время встречи Такахаши с Вернейлем, синдик заявил, что в деле размещения займа появились затрудняющие обстоятельства: французское правительство обеспокоено действиями Японии на международном финансовом рынке и, в частности, ее планами разместить новые иностранные займы якобы для нужд только что созданного Общества Южно-Маньчжурской железной дороги, что угрожает интересам как России, так и США на Дальнем Востоке. Данные опасения подкреплялись слухами о том, что недавняя поездка Такахаши в Германию вызвана именно этими планами, и что в обмен на предоставление кредита Япония согласна заказать в Германии постройку броненосцев и другого вида оружия. Такахаши постарался развеять эти слухи, однако положение было изрядно подпорчено: Вернейль выступил категорически против допуска японских облигаций, выпущенных в прошлом в Лондоне, к котировке на парижской бирже, указывая на значительную разницу в цене на них на лондонской и парижской биржах.

²² DDF. 2e série. T. X., p. 509–510.

²³ Ibid, p. 546, 549. См. также: DDF. 2e serie. T. X., p. 564–565.

Во время беседы с Кайо, состоявшейся в тот же день, Такахаши пришлось вновь оправдываться. Японский финансовый представитель заявил, что им движет единственное желание продолжить начатые в ноябре прошлого года переговоры о займе и получить подтверждение того, что французское правительство не возражает против выпуска японских облигаций в Париже при первом предоставившемся случае в конце февраля – марте 1907 г., однако Кайо холодно ответил, что переговоры об этом следует вести через японского посла в Париже с министром иностранных дел. Затем Кайо прямо сказал, что положение дел по сравнению с ноябрем сильно изменилось, и что на повестке дня теперь стоят некоторые политические вопросы, требующие немедленного разрешения. Вернейль упомянул, что от Такахаши поступила просьба внести японские облигации от ноябрьского займа 1905 г., выпущенные в Англии, США и Германии, в официальный бюллетень парижской биржи, на что тотчас же последовало резкое возражение министра²⁴.

После этой встречи с министром прекрасно осведомленный в тайных пружинах международной политики Гинцбург разъяснил изумленному Такахаши, что, согласно слухам, русское правительство обратилось к союзному французскому не оказывать поддержки в размещении японских ценных бумаг на европейском рынке. В условиях, когда несколько более года назад Франция уже пошла на открытие кредита Японии, отказав в аналогичном пожелании России, французское правительство не может полностью отвергнуть просьбу России и пойти на предоставление займа Японии в разрез со своими союзническими обязательствами. В этой обстановке французское правительство предложило свои посреднические услуги для разрешения вопросов зашедших в тупик русско-японских переговоров. Только после этого для Такахаши стало очевидно, что помехой японскому займу является неурегулированность русско-японских отношений.

Впрочем, Такахаши верил, что сопротивление французского и русского правительств вскоре удастся сломить и продолжал переговоры с парижскими банкирами и биржевиками. Встретившись с отказом Ротшильдов допустить облигации, выпущенные в Лондоне в ноябре 1905 г., к котировке на парижской бирже, Такахаши предложил Вернейлю в качестве принципиального способа поддержки парижского финансового рынка интервенционную скупку Банком Японии в Лондоне японских облигаций на сумму до 3 млн ф. ст. Вернейль, ожидавший от японской стороны предоставления именно таких гарантий, сразу же согласился предпринять новую попытку уговорить министра финансов Франции на совершение данной сделки, с удовольствием отметив, что «у Японии нет желания перекладывать свои трудности на другие страны»²⁵.

²⁴ Доклад № 13 Такахаши Корэкиё от 15 января 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё, № 5.

²⁵ Там же.

9 января, во время встречи посла Курино с французским министром иностранных дел, Пишон заявил, что позиция французского правительства не претерпела принципиальных изменений, однако прямо сообщил о просьбе союзной России не предоставлять заем японскому правительству, пока не будут урегулированы – в полном соответствии с Портсмутским мирным договором – вопросы российско-японских отношений, указав на невозможность для Франции игнорировать эту просьбу России и попросив отсрочки в данном деле. Из разговора с Пишоном стало ясно, что французский МИД не рассматривает вопрос допуска японских ценных бумаг к обращению на парижской бирже зависимым от данной просьбы России, и что для этого необходимо лишь получить разрешение от министра финансов Кайо. В тот же день Такахаси узнал от Левиты, что парижские Ротшильды в целом согласны на помещение японских 4 % -ных облигаций в официальный бюллетень парижской биржи²⁶.

В тот же день 9 января 1907 г. находившийся в новогоднем отпуске в Париже французский посланник в Петербурге Бомпар посетил японского посла Курино и сообщил ему принципиальную позицию российского правительства насчет спорных вопросов, касающихся торгового договора и рыболовной конвенции: «Должно быть, Россия в известной степени пойдет на признание японских пожеланий в отношении договора о торговле и мореплавании. Что касается рыболовного вопроса, то... он может породить множество проблем и, вероятно, потребует тщательнейшего изучения. Позиция России, основанная на приверженности в разрешении всех вопросов духу Портсмутского мирного договора, не претерпит изменения и в дальнейшем, однако Россия не собирается уступать Японии в вопросе судоходства по Сунгари. Последнее исходит не только из опасений торгово-промышленного соперничества, но и объясняется некой подозрительностью по отношению к Японии с военной точки зрения»²⁷.

Так при посредстве Франции начался поиск компромисса применительно к вопросам русско-японского послевоенного урегулирования. Между тем, тесно связанная с Индо-Китайским банком «группа Кайо» не желала уступать и в вопросах чисто экономического свойства. 10 января во время встречи с Вернейлем министр финансов просто вышел из себя, как только услышал от синдика слова о японских ценных бумагах. Во время состоявшейся в тот же день беседы с директорами «Ротшильд Фрер» Такахаси неожиданно для себя столкнулся с резким отпором в этом вопросе со стороны банкиров, не упускавших возможности показать, кто является хозяином положения. Тон речи Эдмона

заметно помягчел после того, как Такахаси и Левита предложили пустить половину из 3 млн. ф. ст. на поддержание парижского рынка, однако он лишь неопределенно пообещал приложить силы для открытия нового кредита Японии, как только позволит ситуация на финансовом рынке. В ответ на замечание Такахаси о том, что «дорогу Японии пытаются перейти» российское правительство и российские экономические круги, старший Ротшильд ответил, что в экономической области никаких интриг со стороны России не предвидится, и что в кредитах России отказано²⁸. В указанной обстановке особой необходимости в новой встрече с министром финансов уже не было, поэтому Такахаси принял решение вернуться в Лондон, поручив дальнейшее улаживание вопросов Вернейлю.

* * *

Нужно отметить, что, имея перед собой удачный пример размещения займа во Франции в конце 1905 г., японское правительство не особенно взволновалось возникшими политическими вопросами, понимая, что Франция не собирается упорствовать в этом вопросе до последней черты, а лишь соблюдает определенный ритуал международного общения, пытаясь добиться от Японии наибольших уступок. Таким образом, японская сторона отдавала себе отчет в том, что основная причина отказа Франции удовлетворить пожелания Японии кроется не в позиции России, а в ней самой.

17 января 1907 г. глава внешнеполитического ведомства Хаяси Тадасу (1850–1913) направил Курино и Такахаси новые указания относительно ведения будущих переговоров. Курино предписывалось в самое ближайшее время выступить с новой просьбой об открытии для Японии нового кредита во Франции до разрешения «всех вопросов русско-японских отношений», не давая при этом никаких обещаний и соглашаясь лишь отложить само размещение займа до конца марта 1907 г. В особой памятной записке в качестве условий принятия французского посредничества на российско-японских переговорах назывались допуск прежде выпущенных 4 % японских обязательств к обращению на парижской бирже и предоставление совместно с Англией нового кредита на сумму 25 млн. ф. ст. Кроме того, перед Курино также была поставлена задача выяснить, нет ли у российского правительства плана самому разместить заем во Франции, опередив Японию²⁹.

В результате предварительного зондажа, осуществленного послом Курино через Ланессана, было выяснено, что причиной обращения России к помощи Франции является желание уладить вопросы двусторонних

²⁶ Доклады №№ 12 и 13 Такахаси Корэкиё от 25 декабря 1906 г. и от 15 января 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5; НГБ. Т. 40, кн. 2. Токио, 1961, с. 46–48.

²⁷ НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 47–48.

²⁸ Доклад № 13 Такахаси Корэкиё от 15 января 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 66–72.

²⁹ Доклад № 14 Такахаси Корэкиё от 7 февраля 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5; НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 50–52.

отношений, и что это никоим образом не связано с финансовыми делами. Курино стало известно, что российские финансовые круги в тесном сотрудничестве с бывшим премьером Рувье обсуждают возможность новой финансовой комбинации, однако новый кредит во Франции Россия вряд ли получит. С другой стороны, Ланессан после беседы с Пишоном сообщил, что предоставление займа Японии задерживается тем обстоятельством, что между Японией и Францией не достигнуто соответствующее политическое соглашение. Пожелания Японии относительно открытия нового займа во Франции были переданы послом Пишону в среду 23 января³⁰.

Переговоры о новой финансовой комбинации, о которой говорил в своем отчете Курино, действительно шли в это время во Франции. Так, еще в середине декабря 1906 г. парижские банковские круги во главе с Вернейлем обратились к министру финансов Коковцову с предложением создать «мощную финансовую группу из русских и французских банков для содействия развитию в России коммерческих и промышленных предприятий с помощью французских капиталистов». Российский министр финансов выразил свое принципиальное одобрение по отношению к данному проекту, вследствие чего 15–19 января во французской столице состоялись переговоры между французскими и российскими банкирами, в которых участвовали кроме Вернейля не только близкие к Ротшильдам Готтингеры и Ноэль Бардак (Noel Bardac, 1868–?), но и неоднократно упоминавшийся выше Жак Гинцбург. Это обстоятельство наглядно свидетельствует о том, что парижские банкиры вели достаточно сложную «беспронятную» дипломатическую игру между Петербургом и Токио, пользуясь существующими международно-политическими обстоятельствами. Заигрывания с Японией являлись сильным инструментом давления на Петербург и наоборот³¹.

30 января Пишон дал Курино ответ по памятной записке японского правительства от 17 января. Министр сообщил, что им было передано российскому правительству о желании Франции заключить общеполитическое соглашение с Японией, на что принципиальных возражений со стороны России не последовало, однако российские дипломаты отметили, что и политическое соглашение, и предоставление кредита Японии возможны лишь после того, как Россия получит от Токио гарантии безопасности своих дальневосточных владений в полном соответствии с духом Портсмутского мирного договора. Российские дипломаты во главе с Извольским в доверительных беседах с французскими коллегами дали понять, что готовы удовлетвориться получением от японского правительства общих гарантий безопасности, не дожидаясь полного завершения переговоров о торговом договоре и рыболовстве³².

Тем временем Такахаси продолжал переговоры с лондонскими Ротшильдами, пытаясь через них воздействовать на парижскую ветвь семейства. В начале февраля после совещания с Кохом и Левитой Такахаси подготовил письменное обращение к парижским Ротшильдам, в котором просил немедленно приступить к необходимым формальностям для помещения японских ценных бумаг в официальный бюллетень парижской биржи и сообщить французскому правительству о своем намерении участвовать совместно с лондонскими банкирами в выпуске японского займа в течение марта 1907 г., обещая содействие японского правительства в поддержании стабильности на парижском фондовом рынке. В случае готовности «Ротшильд Фрер» на вышеуказанные действия, Такахаси обещал немедленно – при посредстве посла Курино – предпринять необходимые дипломатические меры, направленные на получение разрешения со стороны правительства Франции³³.

Несмотря на обращение, парижские Ротшильды не давали утвердительного ответа ни в отношении своего участия в займе, ни в отношении допуска японских ценных бумаг к обращению на парижской бирже. Тем временем, 5 февраля, Такахаси получил вести от находившегося в Париже Коха о встрече Вернейля с Кайо, на которой министр якобы заявил следующее: допуск японских бумаг к котировке на бирже невозможен без участия французских банкиров в предстоящем японском займе, поэтому разрешение о допуске не может последовать ранее, чем решение о самом участии, сдерживаемом, в свою очередь, вопросами русско-японских отношений. В этих условиях Такахаси сделал вывод о том, что экономических препятствий к финансовой операции больше не наблюдается, и что все силы должны быть направлены на устранение политических помех. Вечером 6 февраля Левита передал Такахаси пожелание Коха, чтобы тот срочно прибыл в Париж для улаживания различных вопросов³⁴.

В начале февраля на российско-японских переговорах обозначился значительный прогресс. 4 февраля между Мотоно и Извольским состоялось обсуждение общих вопросов двусторонних отношений в долгосрочной перспективе, при этом глава российского внешнеполитического ведомства обрисовал возможный фундамент будущих добрососедских отношений. Мотоно тотчас же донес телеграммой о своей беседе с министром, прося одобрения выдвинутой Россией идеи двустороннего политического соглашения. Принципиальное согласие на это с указаниями обратиться к российскому МИДу с просьбой подготовить проект соглашения было получено от Хаяси 8 февраля. С другой стороны, телеграммой от 9 февраля из Токио Мотоно предписывалось встретиться с российским министром иностранных дел и передать об отсутствии у

³⁰ НГБ. Т. 4., кн. 2, с. 52–53.

³¹ Бовыкин В. И. Указ. соч., с. 199–204.

³² НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 53–55; НГБ. Т. 40, кн. 1. Токио, 1960, с. 97–98.

³³ Доклад № 14 Такахаси Корэкиё от 7 февраля 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5.

³⁴ Там же.

Японии агрессивных устремлений по отношению к России и попросить российское правительство снять свои возражения против готовящегося японского займа во Франции. Для сведения посла сообщалось, что Такахаши готов выехать в Париж 11 февраля, чтобы окончательно уладить дело с указанной кредитной операцией. 9 февраля Мотоно встретился с Извольским и передал просьбу подготовить проект будущего политического соглашения, а на следующий день сделал заявление относительно готовящегося займа во Франции³⁵.

Днем 11 февраля Такахаши вновь отправился в Париж, чтобы предпринять последнюю попытку уговорить парижские политические и экономические круги на участие в предстоящей кредитной операции. Внутриполитическая ситуация во Франции позволяла Такахаши и его единомышленникам рассчитывать на благоприятный исход дела. 8 февраля во французском парламенте депутаты от социалистов обрушились с резкой критикой на действия своего правительства и буржуазии, которые якобы жертвуют интересами французского народа и ссужают огромные капиталы на поддержание российских финансов. Их выпады встретили мощный отпор со стороны Пишона, подчеркнувшего особый характер русско-французских отношений и надежность гарантий, предоставляемых Россией по займам. По мнению Гинцбурга и Вернейля, такие реверансы в сторону Петербурга создавали благоприятную атмосферу для предоставления займа Японии. Вечером 11 февраля Вернейль передал Пишону особую записку, в которой указывал, что просьба России не предоставлять заем Японии может лишь помешать русско-японскому и франко-японскому сближению, лишить Францию прибыли и оттолкнуть японцев от парижского рынка³⁶.

13 февраля Курино посетил министра иностранных дел и попросил его дать утвердительный ответ по поводу займа до 16 числа. Министр ответил, что он надеется получить благоприятный ответ от российского правительства в течение недели и готов поторопить Петербург с ответом. Тем временем, в тот же день Мотоно получил ответ российского правительства на свое заявление от 10 февраля: «В виду шага, искренне предпринятого японским правительством по отношению к России и принимая во внимание недавние заявления виконта Хаяси в пользу создания прочной связи между двумя странами, российское правительство готово дать гарантии в том, что, если французское правительство будет консультироваться с ним на предмет японского займа на парижском рынке, оно не будет препятствовать его осуществлению. Российское правительство лишь просит японское правительство принять со своей стороны во внимание тот факт, что определенный остаток от

последнего займа, организованного Россией, должен быть размещен на французском рынке, и что одновременная кредитная операция со стороны Японии отразилась бы негативным образом на наших облигациях по этому займу. Следовательно, японское правительство окажет, в свою очередь, услугу российскому правительству, отложив, скажем, на два месяца осуществление предполагаемого ныне займа»³⁷.

Вечером 14 числа содержание ответа России было сообщено Такахаши. Казалось, последнее препятствие на пути к организации японского займа в Париже было устранено, однако даже после этого министр финансов Кайо продолжал упорствовать. Как удалось узнать Такахаши, причина этого была в том, что близкие к Индо-Китайскому банку силы желали самостоятельного участия в предстоящей финансовой сделке. Рупором правительственных сил была газета «*Ла Сьекль*» («Век») во главе с Ланессаном и Арманом Массипом (Armand Massip), установившими еще во время русско-японской войны тесные контакты с японской миссией в Париже. Через вторых и третьих лиц они предлагали группе Гинцбурга-Ротшильдов «поделиться» прибылью с Индо-Китайским банком, обещая свое содействие при организации займа. По словам представителей ПГК, парижские Ротшильды были не на шутку обеспокоены инициативой некоторых кругов исключить их из предстоящей комбинации и дали знать об этом своим лондонским родственникам. 16 февраля представитель «группы Кайо», некто Жако, посетил Гинцбурга и попросил включить Индо-Китайский банк в банковский синдикат, однако получил отрицательный ответ. В тот же день сотрудник японского посольства в Париже встретился с Массипом, который заверил, что правительство не будет препятствовать размещению японского займа, даже в случае неприглашения Индо-Китайского банка в состав синдиката³⁸.

Допуская, что известные противоречия между Индо-Китайским банком и Ротшильдами действительно имели место, в свете дальнейшего развития событий (попыток Ротшильдов создать свой канал финансово-экономического взаимодействия с Японией в обход ПГК и их противодействие плану создания Японо-Французского банка под эгидой Вернейля-Гинцбурга) логично в то же время предположить, что между ними имелась некая договоренность или, по крайней мере, согласованность действий. Дело в том, что «Ротшильд Фрер» вместе с лондонским домом Ротшильдов был непосредственно заинтересован в затягивании данных переговоров, желая добиться наиболее выгодных условий сделки и встать во главе банковского синдиката. Несмотря на устранение политических препятствий, в силу сопротивления француз-

³⁵ НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 55–57; НГБ. Т. 40, кн. 1. Токио, 1961, с. 98–102.

³⁶ НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 58–59; Доклад № 15 Такахаши Корэкиё от 3 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 8–14; *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал, с. 203.

³⁷ НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 59–60; Доклад № 15 Такахаши Корэкиё от 3 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 14–20.

³⁸ Доклад № 15 Такахаши Корэкиё от 3 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 22–36.

ского министерства финансов и банка «Ротшильд Фрер», отказавшихся допустить выпущенные ранее обязательства Японии к обращению на парижской бирже, положительной договоренности и на этот раз достигнуто не было, поэтому Такахаси почти отказался от мысли разместить заем в Париже весной 1907 г.³⁹ Таким образом, на этот раз дело разстроилось уже не из-за сопротивления России, а совершенно по другим причинам. Такахаси не оставалось ничего, как продемонстрировать готовность прервать переговоры, и 19 февраля он вернулся в Лондон.

Последующие переговоры Такахаси с лондонскими Ротшильдами показали, что сопротивление «Ротшильд Фрер» было вызвано исключительно тактическими соображениями: действия обеих ветвей семейства банкиров, как и прежде, были направлены на усиление своего веса в новом банковском синдикате путем ослабления влияния ПГК. Такахаси придавал большое значение установлению тесных отношений с Ротшильдами, однако не собирался отказываться от партнерства с прежним лондонским банковским синдикатом и решительно отказался от продолжения переговоров во Франции. 22 февраля он встретился с представителями Гонконг-Шанхайского банка и Парр-банка, предложив им принять к учету вместе с американскими и германскими банкирами японские 5 % обязательства на сумму 23 млн ф. ст. При этом им было отмечено, что особенно рассчитывать на заокеанских банкиров и Ротшильдов (не имевших отношения к предоставлению 6 % займов 1904 г.) не приходится. Такахаси не забыл сказать о том, что Банк Японии готов использовать в случае необходимости 5 млн. ф. ст. для интервенции на лондонском финансовом рынке⁴⁰.

Ротшильды почувствовали, что могут остаться не у дел, поэтому уже 22 февраля младший брат главы лондонского семейства Леопольд (Leopold Rothschild, 1845–1917) намекнул Такахаси о желании «Ротшильд Фрер» продолжить обсуждение известных вопросов о займе и спросил, какой ответ следовало бы дать в Париж. Такахаси заявил, что с его стороны переговоры с парижскими финансистами прекращены и ему больше нечего предложить на этот счет. По слухам, дошедшим до Такахаси, после этого разговора Леопольд немедленно отправил письмо в Париж, советуя парижскому дому Ротшильдов изменить свое отношение к данной финансовой операции. В тот же день Вернейль передал Коху содержание своей беседы с управляющим парижским домом Нейбургером (Neuburger) и сообщил, что «Ротшильд Фрер» согласны участвовать в японском 5 %-ном займе. Посовещавшись с представителями ПГК и управляющим лондонским отделением Парр-банка Александром Шандом (Alexander Alland Shand, 1844–1930), Такахаси в доверительном

порядке сообщил Коху и Левите условия, на которых он может допустить участие парижских Ротшильдов в предстоящей операции. В итоге, 26 числа из Парижа был получен ответ, официально сообщавший, что парижский дом Ротшильдов готов принять к учету японские обязательства в размере половины от всей суммы займа по цене около 99 за 100 с соответствующей премией⁴¹.

Иными словами, как только японское правительство выказало готовность обойтись при проведении предстоящей операции без участия Парижа, французские банкиры, а затем и французское правительство сняли свои возражения в отношении условий предстоящей сделки. 27 февраля Пишон сообщил Курино о решимости Франции содействовать открытию нового 5 %-ного кредита для Японии с участием английских финансистов. Министр отметил, что весьма сожалеет о том, что недавние переговоры о займе были прерваны, несмотря на столь дружественные отношения между Японией, Францией, Англией и Россией. 28 февраля Ланессан сообщил Курино о том, что Пишон весьма доволен позицией, которую Япония заняла по отношению к России, и готов на продолжение с ней конструктивного диалога⁴².

В этих условиях переговоры с французскими финансистами благополучно завершились, и 2 марта японское правительство направило Такахаси доверенность на подготовку технических условий нового 40-летнего 5 %-ного займа на сумму 23 млн. ф. ст. Вечером того же дня японский финансовый представитель вместе с Кохом прибыл в Париж для согласования окончательного проекта контракта. 6 марта, по возвращении Такахаси в Лондон, представителями Парр-банка, Гонконг-Шанхайского банка, Йогогама Спеши Банка (Yokohama Specie Bank), лондонского дома Ротшильдов, парижского банка Ротшильд Фрер и Такахаси было подписано итоговое соглашение о выпуске нового японского займа, половина которого – 11,5 млн. ф. ст. – размещалась во Франции. При этом банк «Ротшильд Фрер» предоставлял одну треть от парижской суммы (чуть менее 40 млн иен), а остальная часть была распределена внутри образованного вокруг Парижско-Нидерландского банка синдиката⁴³.

* * *

Франция и ее финансовые круги умело воспользовались существованием союза с Россией, а также дружественными отношениями с Вели-

⁴¹ Доклад № 16 Такахаси Корэкиё от 7 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 25–41, 50–51, 59–60.

⁴² НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 66–67.

⁴³ НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 67–73; Доклад № 17 Такахаси Корэкиё от 14 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 1–22; *Smethurst R. J.*, *Op. cit.*, pp. 197–198; *Байсуэй С. Дж.* Указ. соч., с. 114; ХКГК // АВПЯ. № 3.3.7–37. Т. 3.

³⁹ Доклад № 15 Такахаси Корэкиё от 3 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 36–69; НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 63–64.

⁴⁰ Доклад № 16 Такахаси Корэкиё от 7 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 4–7.

кобританией для укрепления своих отношений с Японией после войны, действуя в качестве посредника-мировотворца. Еще во время войны французские банкиры и биржевики, опасавшиеся за свои вложенные в российские предприятия капиталы, предложили Японии вместо призрачной российской контрибуции предоставление кредита в размере 500–700 млн. иен. Осенью того же года французским Ротшильдам удалось благодаря своим лондонским сородичам войти в число участников японского займа и получить японские обязательства на сумму более 120 млн. иен. Через год французское правительство, используя заинтересованность Японии в парижском финансовом рынке, попыталось политизировать данный вопрос и постаралось закрепить новое состояние двусторонних отношений в виде общеполитического соглашения. Японское правительство поначалу не проявляло к данной инициативе особого интереса, однако Франция воспользовалась тупиковым состоянием на российско-японских переговорах и обусловила дачу нового займа укреплением франко-японских отношений. За данной инициативой стояли интересы французского правительства и Индо-Китайского банка, опасавшихся за безопасность французских владений на Востоке. С другой стороны, это было удобным поводом к созданию независимого канала финансово-экономической связи с Японией, в чем были заинтересованы широкие банковские круги Парижа во главе с Ротшильдами. Именно это желание заставило французское правительство в марте 1907 г. начать переговоры о заключении общеполитического соглашения с Японией, благополучно подписанного 10 июня того же года.

Важным посредником во франко-японских и российско-японских финансово-экономических отношениях являлось семейство банкиров Гинцбургов, имевшее свои «точки опоры» в Лондоне и Париже, Берлине и Петербурге. Благодаря своим тесным связям с лондонской ПГК и парижскими банковскими кругами парижский клан семейства оказался вовлечен как в дело финансирования Японии во время войны, так и в процесс переориентации французских капиталов с России на Японию в последующие годы⁴⁴. Играя столь неблагоприятную роль в деле ослабления России на мировой арене, парижская и петербургская ветви семейства Гинцбургов сумели в полной мере воспользоваться перестройкой международных отношений после русско-японской войны. 28 января 1907 г. – в самый разгар переговоров о размещении японского займа в Европе – в Петербурге был утвержден Советом министров устав русско-японского внешнеторгового общества, среди учредителей которого значилось имя барона Давида Горациевича Гинцбурга (1857–1910),

приходившегося двоюродным братом неоднократно упоминавшемуся Жаку. Предположительно, за учреждением данной компании также стояли интересы парижских финансовых кругов, занимавших определяющее положение на российском рынке⁴⁵. Данный проект не получил большого развития, однако благодаря этой инициативе появился еще один мостик экономического взаимодействия между Западной Европой и Токио.

⁴⁴ См. об этом: *Хара Тэруси*. Нитифуцу гинко (1912–1954) но сэцурицу, кэйэй о мэгуро сякай кэйдзайситэки косацу (Учреждение и система управления Японо-Французского банка (1912–1954) Размышления в рамках социально-экономической истории) // Васэда сёгаку, № 388, март 2001., с. 591–643; ХКГК // АВПЯ. № 3.3.7-37. Т. 3.

⁴⁵ Цусё исан (Торговый вестник). Т. 113, № 45, 8 октября 1907, с. 508; Йомиури симбун, № 10699, 21.03.1907, с. 2; Йомиури симбун, № 10744, 05.05.1907, с. 2.